

Северная береста

— КУСОК березовой коры, простое шило, острый нож — вот незатейливый арсенал народного резчика по бересте, из рук которого выходили ажурные берестяные бурачки-туеса, кораба, солонычи, забавные табакерки-тавлинки., — так начала свой рассказ о северной бересте из коллекции Государственного Исторического музея в Москве искусствовед С. Жижина, подробно изучившая изделия старинных берестяных дел мастеров.

До недавнего времени на севере был известен только один промысел художественных поделок и домашней утвари из бересты — шемогодский, объединявший группу деревень в районе рек Шемоксы, в двенадцати километрах от Великого Устюга, возникший в прошлом веке.

Исследовательнице удалось установить на основании собраний Государственного Исторического музея и Государственного Эрмитажа, что производством художественных берестяных изделий занимались и в других районах русского Севера, в том числе в деревнях и селах по Северной Двине. Оказывается, и здесь изделия из бересты использовались в народном быту очень широко. Их покрывали затейливыми резными картинками, нередко подражая дорогим изделиям из серебра с чернью, ажурным костяным шкатулкам или ларчикам с узорными просечными накладками из железа.

Северодвинские берестяные изделия С. Жижина подразделяет на две группы. К первой группе она относит работы пермогорских мастеров. В собрании Исторического музея имеется отлично сохранившаяся коробка-мармошница первой половины XIX века, необходимая принадлежность каж-

дой рыбалки. На ее берестяной глади простой гравировкой выполнено резное изображение мчавшегося коня. Кажется, из-под единого взмаха резца родился этот стремительный силуэт — он весь наполнен движением, развеваящиеся хвост и грива создают впечатление полета. Это настоящий конь-огонь, который мчит быстрее ветра.

— Хотя изображение плоскостное, — рассказывает С. Жижина, — но фигурка коня кажется почти объемной, потому что мастер-резчик умело использовал выпуклую поверхность предмета. Если мы сравним это изображение коня с конями на пермогорских прялках, то заметим большое сходство. Чувствуется близость с графическим четким рисунком пермогорской росписи. По всей вероятности, мастер, выполнявший резные рисунки на мармошнице, жил где-то вблизи Пермогорья, в районе верхнего течения Северной Двины.

Интересными оказались и изыскания, позволившие выявить еще одну группу северодвинских предметов из бересты, которые знакомят нас с другим центром резного берестяного промысла. Одна из ранних работ этого круга — портсигар, оклеенный прорезной берестой. Здесь мы опять встречаем новые приемы декоративного украшения, иную технику резьбы, более высокую и сложную. В исполнении резьбы чувствуется опытная рука: свободно сочетается гравировка с тиснением и прорезью, сложнейшие переплетения орнамента легко подчи-

няются резцу мастера. Удлиненная овальная форма портсигара, изысканная виньетка, обрамляющая изображение птицы, кормящей трех птенцов, слегка удлиненные пропорции фигуры оленя в сцене охоты — все это говорит о том, что изделие вышло из рук не крестьянского мастера, а ремесленника, хорошо знакомого с городским, «ученым» искусством. Здесь умело используются светотень, рельеф-Орнамент, обрамляющий обе стороны портсигара, ромбы, заполненные плетенкой, повторяют классические мотивы декоративно-прикладного искусства первой половины XIX века.

Остальные предметы, выполненные мастерами этого интересного промысла, также отличаются тончайшей ювелирной техникой резного орнамента, умелым заполнением больших плоскостей ажурным узором, переплетенным с фигурами львов, грифонов, оленей, птиц. Изучив все эти произведения из музейных фондов, исследовательница пришла к следующему выводу: если автором резьбы на коробке-мармошнице скорее всего был деревенский мастер, то эти изделия выходили, по-видимому, из рук резчиков города или крупного посада. И хотя установить центр этого промысла пока не удалось, все же можно предположить, что существовал он в одном из городов на Северной Двине.

3. АФАНАСЬЕВА.
Искусствовед.
А. СОКОЛОВ.
Этнограф.